

Мария Исидоровна Гольдсмит (М. Корн)

Григорий Петрович Максимов

1933

Мария Исидоровна родилась в 1872 году в высококультурной, передовой радикально-либеральной русской дворянской семье Отец её, Исидор А. Гольдсмит, и мать, София Ивановна, урождённая Андросова, принадлежали к радикальным кругам русской интеллигенции 70-х годов.

И А Гольдсмит вместе с П А Хлебниковым и Д А Коропчевским издавал в С.-Петербурге, с Октября 1870 г по апрель 1877 г, научный, критико-библиографический ежемесячный журнал „Знание”, редакторами которого, помимо самих издателей, были ещё А П. Бородин и С П. Глазенап. Журнал, за время своего существования, получил три предостережения от правительства. Последнее предостережение, 26 июня 1875 г, сопровождалось приостановкой издания на 6 месяцев. В 1877 г издание журнала прекратилось. После этого И. А Гольдсмит, вместе с Д А Коропчевским, становится редактором научного, литературного и политического журнала „Слово”. „Слово” возникло из преобразованного журнала „Молва”, оно начало выходить в 1878 г и было закрыто в 1881 г. Журнал выходил в С.-Петербурге ежемесячно. В начале 80-го года журнал был приостановлен на три месяца, а в конце этого года редактирование журнала взял на себя Венгеров. Благодаря своим народническим взглядам и тесным связям с народническим движением и его деятелями, (П. Л. Лавров, например, был сотрудником „Знания”, подписывался псевдонимом Миртов), И. А Гольдсмит находился под неусыпным надзором полиции и жандармов и вместе со своей женой. Софией Ивановной, неоднократно арестовывался. Правда, аресты их не сопровождалось длительными тюремными заключениями обычно они скоро освобождались

В подпольном журнале русской анархической социально-революционной партии „Земля и Воля” (№ 5, 8 апреля 1879 г.) в отделе „Хроника арестов”, мы находим такую заметку, касающуюся четы Гольдсмит: „Кроме поименованных в № 3 „Листка Земля и Воля”, в Москве с 6 на 7 марта арестованы бывший редактор „Слова”, Исидор Гольдсмит и его жена (оба освобождены)” В 1878 г., после убийства С. Кравчинским (Степняк) шефа жандармов Мезенцева, царское правительство принялось за усиленные аресты радикальной молодёжи и всех с точки зрения правительства неблагонадёжных элементов Среди арестованных этого времени мы находим и Софию Ивановну Гольдсмит Знаменитый русский писатель и общественный деятель

Владимир Короленко в своей „Истории моего современника” (т. 3, стр. 103-104, изд. „Возрождение”, Москва-Берлин), рассказывая об этом случае, говорит, что она была арестована в поезде по пути за границу, куда она ехала с поручением к П. Л. Лаврову. Её выдал провокатор Глебов. Её сняли с поезда, обыскали, но к удивлению ничего не нашли. Оказывается, что она раздумала и письмо к Лаврову передала надёжной особе. Охранка вынуждена была освободить её и купить новый билет до Варшавы.

София Ивановна училась за границей, в Швейцарии, в Цюрихском Техникуме и является одной из немногих русских женщин того времени, которая окончила высшую школу со степенью доктора зоологии. Училась в Цюрихе, София Ивановна встречалась там с молодыми русскими девушками, которые впоследствии сыграли выдающуюся роль в революционном движении: С. И. Бардина, В. Н. Фигнер и её сестра Лидия, сестры Любатович, Каминская и др. Благодаря ли влиянию П. Л. Лаврова, с которым она сблизилась за границей и с которым впоследствии вся семья Гольдсмитов была в самых дружеских отношениях, или по каким либо другим причинам, но она не бросилась с головой в бушевавшее тогда революционное море, не пошла в народ. Она рано вышла замуж и ребёнок, т. е. ныне покойный наш друг Мария Исидоровна, надо полагать, был причиной того, что Гольдсмиты не были увлечены активным народничеством 1872-74 годов и землевольчеством 1876-79 годов. Они предпочли легальную деятельность и не были теми, кого Богучарский называет «активными народниками», их скорее можно отнести к разряду радикальных либералов или социалистов культурников.

И. Г. Жуковский, К. М. Сибиряков, А. А. Жемчужников, А. А. Головачев, С. Венгеров, Е. Мальцева, Д. А. Коропчевский, П. А. Хлебников, А. П. Бородин, С. П. Глазенап, М. М. Ковалевский и их окружение вот та среда, в которой Гольдсмиты жили в России и в которой росла Мария Исидоровна, это передовая радикально-либеральная русская интеллигенция, сливки легального радикализма тогдашней России.

В 80-х годах Гольдсмиты покинули столицу и перебрались на жительство в Каменец-Подольск, думая там отдохнуть от полицейских преследований. Но полиция не оставила их в покое и там. Скоро отца Марии Исидоровны привлекли по делу одного гимназиста, — грозила ссылка или ещё более худшее. По совету адвоката Гольдсмит решил бежать за границу не ожидая окончания судебного разбирательства. Передоверив своё имение и все имущество своему адвокату, Гольдсмит вместе с семьёй покинул Россию. Адвокат оказался человеком нечестным и обстряпал дело так, что Гольдсмиты остались за границей без всяких средств. Поиски работы ни к чему не приводили. С отчаяния Гольдсмит бросился в Болгарию, надеясь пристроиться там. Это ему не удалось. Пришлось вернуться в Париж, где он через несколько лет умер, оставив молодую жену и дочь Марию, которой было не более 16 лет, без всяких средств. Смерть его так сильно подействовала на Софию Ивановну, что она пала духом, потеряла активность и не могла сопротивляться надвинувшейся нужде. Вся тяжесть борьбы за существование пала на молодую, в жизни неопытную девушку, которая до сих пор не знала подлинной нужды. Маня заняла место отца и стала поддерживать мать материально и духовно, ей пришлось стать как она шутила, «мужчиной». Материальное положение этих двух одиноких, закинутых на чужбину женщин скоро стало очень тяжёлым, настолько тяжёлым, что Мария Исидоровна вынуждена была зимой носить летнее пальто.

Случилось так, что в это время, в конце 80-х или в начале 90-х годов, в Париж приехал известный русский учёный, историк культуры М. М. Ковалевский, который в 1902 г. организовал в Париже Высшую Русскую Школу. Узнав о бедственном положении семьи своего покойного друга, Ковалевский посетил её и, вспомнив, что он ещё должен Гольдсмиту сколько-то рублей, снабдил её деньгами. Но Ковалевский в этот визит не узнал подлинной нужды, в которой находились мать и дочь — они скрыли это от него. Скоро, однако, ему пришлось познакомиться с их нуждой и он пришел им на помощь.

Дело обстояло так. Не видя никакого выхода из создавшегося материального положения, Мария Исидоровна решила пойти к Ковалевскому с ответным визитом и за одно спросить его не сможет ли он устроить её куда-нибудь на работу.

Ковалевский радушно её принял и обещал сделать все, что в его силах. Прощаясь, Ковалевский помог Марии Исидоровне одеться, — дело было зимой — не видя её зимнего пальто, он спросил с удивлением:

- Барышня, а где же ваше пальто?

- Это вот и есть моё пальто, ответила Мария Исидоровна, указывая на летнее манто

Тут Ковалевский понял степень нужды, в которой находится семья его умершего друга. Он устроил М. И. на работу. С этого момента и до последнего дня своей жизни Мария Исидоровна ела хлеб, добывая его собственным трудом.

—
Мария Исидоровна обучалась дома отцом и матерью и экстерном сдала экзамены за среднюю французскую школу на степень бакалавра. Высшее образование она получила в Сорбонне, Парижском университете. Мария Исидоровна пошла по стопам матери — она выбрала естественный факультет и стала специализироваться по биологии. Университет она окончила успешно и была оставлена при нем. Когда именно она окончила университет я точно не знаю. Из письма Кропоткина к ней (см. „Интернациональный Сборник. П. А. Кропоткин и его учение”, стр. 239, изд. Федерац. русских а.-к. групп Соед. Штатов и Канады, Чикаго, 1931), можно заключить, что в 1897 г. она ещё была студенткой. По окончании университета она стала ассистенткой знаменитого французского биолога, проф. Деляжа, и работала с ним до его смерти. Под конец своих дней Деляж ослеп и Мария Исидоровна была его глазами; он так её и называл: „мои глаза”. При жизни Деляжа, но уже в период его слепоты, Мария Исидоровна вместе с ним опубликовала два больших труда (оба, фактически, были написаны ею) — „Теория эволюции*” и „Партеногенез”. В 1915 году за диссертацию „Физиологические и психические реакции рыб” она получила степень доктора естественных наук. В 1927 году ею самою была издана большая работа „Сравнительная психология”. Все указанные труды покойного нашего друга пользуются большим авторитетом в научном мире. Помимо этих капитальных трудов её перу принадлежит множество научных статей. С нею, как с учёным биологом, считались не только в научном мире, но и за его пределами. Так, знаменитый французский политический деятель «Тигр» - Клемансо — когда писал свои мемуары, обратился ни к кому-нибудь другому, а к ней за советами и раз’яснениями по биологии, которые ему нужны были для мемуаров. Как-нибудь в другой раз я передам с её слов историю её визита к Клемансо.

Со смертью Деляжа положение МариИ Исидоровны в университете пошатнулось. Новый профессор вёл с собой новых людей, своих сторонников, сторонники Деляжа стали устраняться под тем или другим предлогом; им в шутку говорили: „покупайте зонтик”, что значило — приготовьтесь к защите, на вас польётся дождь клеветы, сплетен и подсиживаний. В конечном счёте Марию Исидоровну лишили места ассистента, но она продолжала оставаться в «Ежегоднике Биологии» секретарём. Скоро начали подкапываться под неё и здесь. Друзья советовали ей принять французское гражданство — она продолжала быть русской гражданкой — и тем устранить все националистические мотивы добивавшихся её удаления из „Ежегодника”. Лет за 5 — 6 до трагической смерти она последовала совету друзей и приняла французское гражданство, но это не спасло положения, а только отсрочило неминуемую потерю места в дорогом ей „Ежегоднике”. В конце концов, она потеряла место и здесь. Противники Деляжа окончательно расправились с его сторонниками. В связи с этим её материальное положение сильно пошатнулось и в последний год жизни приняло острый характер, но она никому не жаловалась — это было не в её привычке.

В материальном и научном отношении ей неоднократно делались выгодные предложения из Америки (Институт Корнеги или Рокфеллеровский Институт), во Франции ей предлагали заведовать наблюдательной опытной зоо-биологической станцией на берегу моря, — последний пост занял её приятель, русский профессор Давыдов — но она не могла принять эти предложения из-за слабого состояния здоровья своей матери - в течении последних 10 — 15 лет Софья Ивановна была слишком слаба и на далёкие путешествия не была способна, оставить же её одну на попечение посторонних Мария Исидоровна не решалась, это было сверх её сил, ибо она безумно любила свою мать.

Чрезвычайная скромность и застенчивость, которыми отличалась Мария Исидоровна, были её врагами: не смотря на свой талант и авторитет в научном мире, она постоянно оставалась в тени, её постоянно оттирали учёные невежды, обладавшие нахальством и наглостью. Обладая большой эрудицией, имея имя в интернациональном научном мире, она стущёвывалась и сжималась перед этими господами. Читая лекции, даже рабочим, она волновалась, нервничала, краснела, голос её менялся до неузнаваемости — из приятного, душевного он переходил в чужой, неприятно-басистый. Когда ей говорила об этом моя жена и упрекала её за психологию перепуганной школьницы, она добродушно смеялась и говорила: „знаю, Оля, что это очень глупо, но ничего не могу поделать с собой”.

Однако, Мария Исидоровна не принадлежала к тому разряду учёных, для которых мир ограничивался пределами их специальности, наоборот, она принимала активное участие, под именем М. Корн, М. Изидина, и др., в революционном движении, в анархическом движении, перед которым, особенно перед русским, она также имеет большие заслуги.

Будучи ещё студенткой Сорбонны, Мария Исидоровна вошла в состав французского кружка „Студентов Социалистов-Революционеров Интернационалистов”, анархического по направлению. В 1897 г. остров Крит поднял восстание против Турции за национальную независимость. Среди французской студенческой молодёжи это восстание вызвало симпатии и группа студентов-антисемитов обратилась к кружку с предложением принять вместе с ними участие в агитации за независимость Крита.

Кружок отказался действовать совместно с антисемитами и на этой почве возникла полемика между Кружком и журналом Ж. Грава „Тан Нуво”, в которой активное участие приняла и Мария Исидоровна. Кружок обратился с письмом к Кропоткину с просьбой высказаться по спорным вопросам. Кропоткин ответил обширным письмом на имя Марии Исидоровны (См „Интернациональный Сборник. П. А Кропоткин и его учение”, стр, 239 - 249). Своё письмо Кропоткин закончил уверением, что на письма Марии Исидоровны „одно удовольствие отвечать” и передаёт привет Софьи Ивановне. Из этого можно заключить, что М. И. вела с Кропоткиным переписку и раньше этого письма, возможно, что Кропоткин был знаком с нею лично и с её матерью.

В 1892 году группой русских анархистов, главным образом Ал Атабекяном, была организована в Женеве первая русская анархическая типография, не считая ти-пографий 70-х годов, которая стала печатать брошюры под общим названием „Анархическая Библиотека”. Впоследствии эта типография перешла в распоряжение группы, душой которой были Г. Гогелия (Оргеиани) и его жена Лидия Владимировна Иконникова (Л. И-ва). В 1903 году эта группа начала издавать первый, после „Серного Передела”, русский анархический журнал «Хлеб и Воля». Мария Исидоровна приняла в нем активное участие и вместе с Оргеиани и Кропоткиным содействовала возрождению и оформлению анархизма на русской почве. Журнал прекратил своё существование в 1905 г. Его приемниками стали Листки „Хлеб и Воля” в редакцию которых, кроме Кропоткина, Оргеиани и др., входила и М. И. Гольдсмит. В октябре 1906 г. состоялся небольшой съезд в Лондоне русских Коммунистов-Анархистов. На этом съезде М. И. принимала самое активное участие и прочитала три доклада: «Ещё о политике и экономике», «Об организации» и «Всеобщая стачка». Результаты этого съезда были опубликованы отдельной брошюрой («Русская революция и анархизм. Доклады читанные на съезде Коммунистов-Анархистов в октябре 1906 г.» под редакцией П. Кропоткина. Лондон, 1907 г.) и несомненно сыграли большую роль в смысле программного и тактического самоопределения русского анархизма. Перу М. И. Гольдсмит принадлежат две брошюры : „Революционный синдикализм и анархизм” и „Борьба с капиталом и властью”. О последней Кропоткин, в письме к Яновскому, отзывался так. „...брошюра, нашей милой Марьи Исидоровны — „Борьба против Капитала и государства” — (очень мне нравится)”.

Вообще Кропоткин был очень высокого мнения о М. И., и, говорят, перед смертью выражал желание, чтобы она была его душеприказчицей, приводила бы в порядок все его рукописи и закончила бы второй том „Этики”, который он набросал вчерне. Он только её считал способной на эту работу как по научной подготовке, так по духу.

Во время войны М. И. заколебалась и некоторое время не могла определить своего отношения, но затем стала на точку зрения Кропоткина и присоединилась к знаменитому „Манифесту 16-ти” (См Интернац Сборник, П. А Кропоткин и его Учение”, стр. 341, прим 160).

После войны М. И. была глубоко заинтересована процессом развития русской революции и болезненно переживала её вырождение в большевистскую реакцию ина всем своим существом рвалась в Россию, которую оставила ещё будучи ребёнком, но болезненное состояние матери преграждало ей путь. По мере сил она старалась с пером в руках разъяснять читателям на русском, французском и еврейском языках

значение и характер русской революции и пыталась установить задачи народной революции вообще Она сотрудничала в „Фрае Арбайтер Штимме” с момента перехода редактирования в руки Яновского до последнего дня своей жизни. Сотрудничала она в „Плю Люан”, в „Рабочем Пути”, в „Голосе Труженика”, в „Дело Труда”, в «Род ту Фридом» и в целом ряде других изданий. При издании нами, в 1931 году, интернационального сборника П. А. Кропоткин и его учение” она приняла самое горячее участие в работе и вложила в этот сборник большую долю труда: писала, переводила, советовала, одним словом, не смотря на тяжёлые материальные условия и болезнь матери, она работала с воодушевлением, не покладая рук.

Будучи преданной и последовательной кропоткинщицей, любя и обожая Кропоткина, как только может любить и обожать человек, М. И., тем не менее, не была догматична. Она чувствовала новые веяния времени, новые потребности и охотно шла им навстречу. Она понимала, что пришло время, когда анархизм вступает в конструктивный период своего развития. Я помню, как мы в Париже в 1925 г серьёзно обсуждали проект книги-сборника по программным вопросам анархизма с учётом опыта русской революции, помню, как она была горько разочарована и больно переживала, когда между нами и ею не получилось согласия по некоторым важным вопросам и проект пришлось отложить. Она была далека от фракционной узости и мы все по-прежнему остались друзьями.

Приблизительно за год до смерти она мне писала, что хотела бы издать сборник своих статей и небольшую работу по истории революционного движения в России. Касса нашей федерации была опустошена изданием «Интернационального Сборника. П. А. Кропоткин и его учение» и я не мог посоветовать ей обратиться за помощью по изданию к федерации, но предлагал прислать работу по истории революционного движения, она обещала, но прособиралась, а потом наступила трагическая развязка. Было бы наилучшим проявлением уважения к умершему нашему другу и товарищу, если бы все мы составили фонд по изданию трудов М. И. Гольдсмит.

Личная жизнь Марии Исидоровны Гольдсмит лишена театральной красочности и драматических эффектов, но зато окончилась она драматично. Конечно, М. И., несомненно пережила сильную душевную драму, но пережила её молча, одна, никого в неё не посвящая, — она несомненно любила и была любима, но мать побеждала в её сердце. Проходили годы, блекла красота, уходила молодость и незаметно подкралась старость. И оказалось, что вся жизнь прожита без личных женских радостей мать была для неё всем: мужем и ребёнком, жизнь была заполнена ею и она пошла вслед за нею в могилу, не пережив разлуки Мать, наука и анархизм — вот главные каналы, по которым протекала её жизнь.

Последние два-три года, в течении которых Софья Ивановна была прикована к постели, Мария Исидоровна неотлучно находилась при ней, вследствие чего теряла заработок и нужда снова, как в молодые годы, стала стучаться в двери дома двух одиноких замечательных русских женщин. По природе будучи страшной оптимисткой, М. И. не теряла надежды и не жаловалась — это было не в её натуре. Однако, последний год в её душу стали закрадываться сомнения и тревоги, которые нет-нет да проскользнут в письме. За 4-ре месяца до роковой развязки она писала: „Нет, дорогой Григорий Петрович, я, конечно, ничем не обижена и ничем не недовольна: я бы вам прямо написала. Причины тут, отвечает она на мои упреки за долгое

молчание, личные: живётся нам тяжело — особенно в последнее время мама себя очень плохо чувствует, может быть всего дня два как стало немножко легче. Кое-какие обязательные дела и работы выполняются, а ведь душевное письмо написать или статью, требующую внимания не выходит. От того и для «Дела Труда» давно не писала, хотя в планах недостатка нет. Если будет возможность, пришлю Вам отчёт о книге Бенара» . . .

Увы! Этой возможности не оказалось. Это письмо оказалось её последним письмом ко мне: в Нью-Йорке, перед началом лекции, мне принесли потрясающую весть об уходе из жизни дорогого друга и идейного товарища. Не хотелось верить, думал, что произошла ошибка, что умерла только Софья Ивановна, но проверка подтвердила правильность сообщения. . .

Осип и Эсфирь Жаба — наши и Марии Исидоровны друзья — которые последние дни и часы неотлучно были при Гольдсмитах, прислали нам несколько строк, рисующих трагедию.

„Накануне смерти Софьи Ивановны, в воскресенье 8-го января, мы провели у них весь вечер. Софья Ивановна умирала. Мы заставили М. И. на наших глазах перекусить и отдохнуть, заменив её по уходу за С. И., которая находилась в агонии. С субботы на воскресенье Эсфирь провела у них всю ночь и в 3 ч. ночи должна была спешно пойти к Иоффе за каким-нибудь спасительным средством... М. И. никак не могла допустить, что её мама умирает... После долгих бессонных ночей и недоедания, М. И. очень изменилась, поэтому мы провели у неё и весь вечер воскресенья. С воскресенья на понедельник у них ночевала Елена Тедесков, которая ушла от них в 7 ч. утра, а в 8 ч. Софья Ивановна скончалась. Таким образом, при всем нашем старании, М. И. всё-таки в самый трагический момент оказалась одна... Она сама сходила за Иоффе, которая констатировала смерть... Иоффе просила М. И. быть стойкой и взять себя в руки. Она обещала. Но когда пришла погребальщица, то она не хотела её впустить, говоря, что желает остаться хоть один час наедине с мамой. Почуввав в этом неладное Иоффе послала нам «пневматичку», в которой просила Эсфирь немедленно придти к М. И. Я немедленно поехал к М. И. сообщить, что Эсфирь скоро придёт. На мой стук и звон не последовало никакого ответа. Я возвратился домой и рассказал обо всем случившемся. Эсфирь предположила, что М. И. покончила с собой. Я напал на неё за такие слова и просил не говорить глупостей... В 12 часов она пошла к М. И. и, когда на её отчаянные стуки и звонки не последовало ответа, она немедленно пошла к комиссару полиции и заявила, что её подруга, вероятно, покончила с собой.

Когда взломали дверь и вошли в квартиру, то нашли М. И. лежащей на кровати со слабыми признаками жизни Доктор заявил, что она приняла сильнодействующий яд. Её немедленно отправили в больницу, но, несмотря на все усилия, привести её в чувство не удалось Она скончалась, не приходя в сознание, в среду 11-го января в 12 ч дня...

Похоронили их рядом, но не одновременно, как хотела М. И. Софью Ивановну похоронили 13-го, а Марию Исидоровну 14-го. У могилы тов. Х. Корнелиссен произнёс прочувственное надгробное слово».

Мария Исидоровна оставила после себя краткую записочку, которая гласит:

«Я ухажу за ней. Прошу похоронить нас вместе. У нас есть два места рядом с отцом на кладбище Иври. Передаю и оставляю всё в распоряжение А Шапиро и Е. Бакуниной. Прошу накормить птиц и отдать их в надёжные руки».

Эсфирь дорисовывает картину трагедии в таких словах:

„Дорогие друзья, Оля и Максимов, я абсолютно не могу писать, ибо очень волнуюсь, но считаю своим долгом добавить несколько слов к письму Осипа.

В субботу, когда Софья Ивановна была в агонии, она стала звать Марию Исидоровну.

Манюся, я умираю! Спаси меня! Дай мне твою голову... Мария Исидоровна положила свою голову ей на колени, а я держала руку С. И., ибо она у неё очень дрожала.

Когда М. И. подняла голову, то на её лице было полное отчаяние. Когда же Е. Бакунина, врач, которая вместе с Иоффе и одним профессором лечила С. И., сказала Марии Исидоровне, что её маме плохо, то М. И. спросила её:

Неужели вы не можете ей помочь? Бакунина ответила отрицательно и у М. И. набежала слеза, которую она сбросила рукой Вид у неё был отчаянный

Когда, после их смерти я, вместе с уборщицей, приводила в порядок их квартиру, то нашла уйму недогоревших писем, которые М. И. сжигала накануне смерти. Значит, она решила умереть, как только поняла, что её мать умирает”.

Так ушли из жизни две чудесные русские женщины, заброшенные на чужбину: одна изжив свой век, другая — не дожив его. Смерть Марии Исидоровны Гольдсмит большая потеря для науки, огромная — для международного революционного анархического коммунизма, за идеи которого она боролась с юношеских лет.

Дорогой друг, дорогой товарищ, с чувством глубочайшего горя и скорби преклоняем колена перед прахом твоим и, отдавая дань нашей любви и уважения к тебе, мы с любовным укором спрашиваем тебя: зачем ты это сделала?

Без тебя земля беднее стала, ибо в тебе она потеряла одну из лучших и чудеснейших своих дочерей.

Скорбит душа и с твоей смертью не мирится сердце.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Григорий Петрович Максимов
Мария Исидоровна Гольдсмит (М. Корн)
1933

Дело труда, Nr. 75 / 1933

ru.anarchistlibraries.net